

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК БЕЛОРУССКИХ ГИДРОНИМОВ

Источниками материала для наблюдений послужили топографические карты, туристические проспекты, литература краеведческая, озероведческая, для рыболовов-любителей, энциклопедические издания «Блакітная кніга Беларусі» (1994), «Природа Белоруссии» (1989). Перевод некоторых гидронимов может быть предметом дискуссии, актуализирующей непростые вопросы речевой практики (в частности, в таких сферах, как топография, краеведение, туризм...).

I. Известно, что вариантность топонимов – неотъемлемая черта данного ономастического класса. Названия озер Браславщины – яркий тому пример: *Круглае* и *Круглае возера*, *Чартова* и *Чартова возера*, *Белае* и *Белае возера*, *Дворнае* и *Дворнае возера*, *Мілашкаўскае* и *Мілашкаўскае возера*, *Плюсы* и *Плюскае*, *Альбенаўскае* и *Альбенеўскае*, *Рычы-Рыча-Рычу*, *Богіна* и *Богінаўскае*, *Бяле-Бяляны-Бяланы*, *Жвірбянскае* и *Жвірбельскае*, *Крывец* и *Крывое*, *Муйсата* и *Муйсатка*, *Мядзведна* и *Нядзведна*, *Опліса* и *Оплеса*, *Укля* и *Укла*...

Неизбежным следствием вариантности белорусских лимнонимов является возможность варьирования их деривационной модели, структуры, порядка следования компонентов структуры при переводе на русский язык: *Богіна*, *Ліпалаты*, *Плюсы* (лексико-семантические производные от ойконимов) – *Богинское*, *Липолатское*, *Плюское* (суффиксальные производные); *Белае возера* – *Белое*, *Богінскае возера* – *озеро Богинское*, *Відзы* – *Видзское озеро* и т.д.

II. Раздельнооформленность многих лимнонимов позволяет легко их калькировать. Факт принадлежности слов-компонентов синтаксического деривата к общей для белорусского и русского языков лексике не может изменить сущность явления: когда билингв осознает внутреннюю форму белорусского названия и сохраняет её средствами русского языка в продукте перево-

да, он калькирует: *Кривое озеро (Крывое возера), Малая Ельня (Малая Ельня), Большая Ельня (Вялікая Ельня), Круглое озеро (Круглае возера), Волос Северный, Волос Южный (Волас Паўночны, Волас Паўднёвы)...*

Калькируются и однословные производные лимнонимы: *Обабье (Абаб'е), Ольшанка (Альшанка), Стародворское (Старадворскае), Чертовское (Чартоўскае), Медведно (Мядзведна), Поддворное (Паддворнае), Глубочино (Глыбочына)...*

Возможности калькирования онимов ограничиваются своеобразием природы, функций *potipa prorgia*. Функция идентификации, индивидуализации обозначаемого, «охраны» единственности конкретной референции – наиважнейшая для имен собственных. Внутренняя форма онимов почти совсем не важна при их употреблении (иначе никто бы никогда не купался в водоёмах с названиями типа *Чартова возера, Загноек, Канатонка, Чартоўка, Смердзь...*). отождествление онима с его обозначаемым, отграничение от других онимов и их обозначаемых, напротив, исключительно актуально в речевой практике, поэтому при переводе имён собственных в язык-рецептор часто оправданно проникают иноязычные слова, значения, форманты. Например, белорусские реки и озёра, в названия которых входят слова *вялікі, чырвоны, доўгі*, по-русски называются с употреблением семантических архаизмов *великий, червонный, долгий*, а не современных соответствий.

Такая «уступка» воздействующему языку оправдывается фактами русской топонимии (*Великий Новгород, Великие Луки, Долгопрудное*..), наличием в Беларуси озёр, которые по-белорусски называются *Краснае* (в Борисовском, Полоцком, Ушачском районах), *Рыжае* (в Сморгонском районе), а не *Чырвонае, Рудое*, как ожидалось бы. Но главное, что такая передача белорусских гидронимов облегчает их декодирование в речевой деятельности, тогда как кальки типа *Большая Ельня, Большие Сурвиличи, Большое Островито* вряд ли благоприятствуют незатрудненному совпадению их референций с референциями их белорусских прототипов, не говоря уже о связанной с ними избыточности вариантов перевода белорусских гидронимов с элементом *вялікі*.

III. При передаче на русский язык фонетических, графических особенностей белорусских гидронимов переводчики также порой «балансируют» между субституцией и интерференцией, между «русифицированной» и транслитерированной версиями объекта.

Лимнонимы *Дривяты, Дрысвяты* в «Природе Белоруссии» переводятся как *Дривяты, Дрисвяты*, а потамоним *Дрысвята* – вариантно (*Дрисвята и Дрысвята*). Лимноним *Дрысы*: *Дрысы и Дриссы*. Потамоним *Дрыса*: *Дрыса*. Для профилактики такого переводческого «гамлетизма» можно предложить оценить удачность гипотетического перевода онимов другого класса: *Рисар, Бородулин, Мариля Радович...*

При переводе гидронимов *Глыбач, Глыбачка, Глыбокае, Глыбокае, Глыбочына, Глыбочыца, Глыба, Глыбошчына...* также сталкиваются стремле-

ние максимально приблизиться к формальной стороне иноязычия и «тяга к своим корням»: *Глубокое, Глубочино и Глыбочено, Глубочко, Глыба и Глубо, Глыбочица, Глыбочка, Глыбочь, Глыбощина...* А ведь есть белорусские лимнонимы *Глубля, Глубелька*

Правда, максимальное приближение к графическому облику объекта таит в себе опасность искажения реального звучания иноязычия (ср. рус. *Лондон* и англ. прототип). Примером такой гиперкорректности является и перевод белорусского лимнонима *Поцех* русским эквивалентом *Поцех* (на картах, в книге К.С. Шидловского «Браславские озёра»). Более удачным следует признать вариант *Потех* (в «Природе Белоруссии», в книге О.Ф. Якушко «Озероведение»): сохраняются и звучание, и внутренняя форма белорусского онима (см. рус. *утеха, потеха, утешать, утешение...*).

Внутренняя форма белорусского лимнонима *Рэйсна* совершенно не «просматривается» рядовыми носителями русско-белорусского двуязычия, что должно было санкционировать точную передачу формы этого слова. Разве не это важное требование обусловило передачу иноязычных антропонимов (*Фрэнк, Рэй, Грэхем, Рэндофф...*)? Тем не менее в текстах, на картах видим рус. *Рейсна*.

Сомнение вызывает и оправданность перевода словом *Ричи* лимнонима *Рычы* (*Рыча, Рычу*).

В нарицательных русских именах буква *э* после буквы *с* пишется крайне редко (*сэр, сэндвич* вместо нормативного *сандвич*). Круг собственных имён не ограничен: *Сэм, Сэмюел, Сэссун, Сэлинджер, Сэндберг, Сэк, Сэджвик...* В таком случае удачен ли русский эквивалент *Секлы* белорусского лимнонима *Сэклы*?

Одно из озер Браславщины по-белорусски называется *Даублі*. По-русски передаётся то как *Даубли*, то как *Давбли*. Первый вариант ближе к форме объекта (за исключением слоговой длины). Второй – выдерживает соответствие русского [в] в известных позициях белорусскому [ў] (см. омолексы *кроў – кровь, крыўда – кривда, праўда – правда...*), но мешает идентификации референта онима, как мешали бы ей варианты *Мавгли, Бавман, Кавнас...* Видимо, всё-таки *Даубли* должно быть русским названием белорусского озера.

IV. Если белорусские названия адъективного типа склонения, а также онимы со значениями мужского рода, постоянного множественного числа переводятся на русский с сохранением их грамматических значений, то лимнонимы субстантивного типа склонения среднего рода с безударной флексией *-а* иногда «превращаются» в существительные женского рода, что «провашируется» омофонией и омографией безударных флексий белорусских существительных женского и среднего родов в форме именительного падежа (см. *мара, бульба, вёска...* и *мора, сэрца, неба...* и ср. с рус.).

По-разному переводятся *Пагошча* (*Погоща* и *Погоще*), *Золва* (*Золва* и *Золво*), *Балта* (*Болта* и *Болто*), *Балойса* (*Болойса* и *Болойсо*), *Бужа* (*Бужа* и *Буже*), *Бярэжа* (*Бережа* и *Береже, Бережье*), *Войса* (*Войса* и *Войсо*), *Ільжа*

(*Ильжа* и *Ильже*), *Муйса* (*Муйса* и *Муйсо*), *Опiса* – *Оплеса* (*Оплиса* – *Оплеса* и *Оплесо*).

Флексия *-о* в русских эквивалентах «навевна» принадлежностью к среднему роду слова *возера*, а флексия *-а*, по-видимому, принадлежностью к женскому роду слов *мясціна, мясцовасць, вада, багна, лужа* («стопкое место»), если не просто орфографией белорусского объекта и принадлежностью к женскому роду некоторых лимнонимов (*Глыбошчына, Альшанка, Домбля, Нарач...*).